

J 38
104

Д. Н. Анучинъ.

А. С. ПУШКИНЪ.

(Антропологическій эскизъ).

(Изъ №№ 99, 106, 114, 120, 127, 134, 143, 163, 172, 180, 193 и 209 „Русскихъ Вѣдомостей“).

МОСКВА.

Типографія „Русскихъ Вѣдомостей“, Покотская, Чернышевскій пер., д. № 7-й.
1899.

А. С. ПУШКИНЪ.

(Антропологическій эскизъ).

Высокое значеніе художественнаго творчества Пушкина сознавалось образованнымъ русскимъ обществомъ еще при жизни поэта, но особенно яркое выраженіе получило это сознаніе въ позднѣйшихъ отзывахъ о творчествѣ поэта лучшихъ нашихъ писателей. Извѣстенъ отзывъ о Пушкинѣ Гоголя: „Пушкинъ есть явленіе чрезвычайное и, можетъ-быть, единственное явленіе русскаго духа. Въ немъ русская природа, русская душа, русский языкъ, русский характеръ отразились въ такой же чистотѣ, въ такой очищенной красотѣ, въ какой отражается ландшафтъ на выпуклой поверхности оптического стекла... Сочиненія Пушкина, гдѣ дышитъ у него русская природа... можетъ совершенно понимать только тотъ, чья душа носитъ чисто русскіе элементы, кому Россія родина“. Бѣлинскій воспроизвелъ приведенный отзывъ Гоголя въ одной изъ своихъ статей и самъ выразилъ мнѣніе, что „Пушкинъ былъ первымъ русскимъ поэтомъ-художникомъ“, что „общій голосъ нарекъ его русскимъ національнымъ, народнымъ поэтомъ“. По выраженію извѣстнаго критика Аполлона Григорьева, „Пушкинъ—представитель всего нашего душевнаго, особеннаго... Онъ пока единственный полный очеркъ нашей народной личности. Это нашъ самобытный типъ... Въ его натурѣ очерками обозначились наши фізіономическія особенности, полно и цѣльно, хотя еще и безъ красокъ, и все современное литературное движеніе (писано сорокъ лѣтъ тому назадъ) есть только наполненіе красками рафаэлевски правдивыхъ и изящныхъ очерковъ“. Тургеневъ, повторяя отзывъ Бѣлинскаго, что Пушкинъ былъ первымъ русскимъ художникомъ-поэтомъ, создавшимъ „нашъ поэтический, нашъ литературный языкъ“, прибавляетъ: „именно: русский! Самая сущность, всѣ свойства его поэзіи совпадаютъ со свойствами, сущностью нашего народа“. Достоевскій въ своемъ извѣстномъ отзывѣ о Пушкинѣ выразился такъ: „Пушкинъ былъ не только русский человѣкъ, но и первымъ русскимъ человѣкомъ... Онъ понялъ русский народъ и постигъ его назначеніе въ такой глубинѣ и въ такой обширности, какъ никогда и никто... Русский духъ разлитъ въ твореніяхъ Пушкина, русская жилка бьетъся вездѣ... Пушкинъ, по обширности и глубинѣ своего русскаго генія, до сихъ поръ есть какъ солнце надъ всѣмъ нашимъ

русскимъ интеллигентнымъ міровоззрѣніемъ“.

Такъ оцѣнивали Пушкина величайшіе наши художники слова и лучшіе критики. Можно было бы привести рядъ и другихъ подобныхъ отзывовъ, но едва ли въ этомъ имѣется надобность. Значеніе Пушкина какъ великаго русскаго поэта признано нынѣ всѣми, и это значеніе опредѣляется, главнымъ образомъ, высокою художественностью его поэтическаго творчества, въ которомъ въ такой изящной формѣ воплотились русское чувство, русская мысль, русскіе типы и идеалы, выразились съ такою полнотой основы русскаго національнаго духа.

Высказывая такіе отзывы, признавая Пушкина истинно русскимъ художникомъ-поэтомъ, вдохновеннымъ выразителемъ нашей самобытности, вѣрнымъ истолкователемъ русскаго духа, всѣ приведенные писатели знали однако, что по своему происхожденію, крови, природѣ, темпераменту Пушкинъ не былъ вполне русскимъ человѣкомъ. Поэтъ самъ не разъ, въ стихахъ и прозѣ, вспоминалъ о своемъ африканскомъ прадѣдѣ по матери, арапѣ Абрамѣ Ганнибалѣ, да и другіе какъ при жизни Пушкина, такъ и особенно впоследствии указывали на его африканское происхожденіе, африканскую природу, на присутствіе въ немъ „наполовину африканской крови“ (Григорьевъ) и т. п. Обо всемъ этомъ упоминалось однако лишь мимоходомъ, на указанной особенности происхожденія не считали нужнымъ останавливаться, а иногда даже совершенно ее игнорировали, признавая ее, очевидно, хотя и любопытной, но не существенной генеалогической подробностью.

Въ болѣе близкое къ намъ время лучшіе біографы Пушкина стали однако сознавать важность изученія этихъ наследственныхъ чертъ. Такъ, Анненковъ начинаетъ свой извѣстный трудъ „Пушкинъ въ Александровскую эпоху“ слѣдующими словами: „Не надо быть рыцаремъ поклонникомъ ученія о неотразимомъ дѣйствіи фізіологическихъ и нравственныхъ свойствъ родоначальниковъ семей на все ихъ потомство, чтобы вѣрить въ возможность фамиліальной передачи нѣкоторыхъ крупныхъ психическихъ особенностей со стороны отца и матери своей ближайшей отрасли. Нѣкоторое изученіе характера и натуры А. С. Пушкина неизбежно приводитъ къ заключенію, что

въ основѣ ихъ лежатъ унаслѣдованныя черты и отличія двухъ родовъ—Ганнибаловъ и Пушкиныхъ, только значительно облагороженные ихъ знаменитымъ потомкомъ. Любопытно поэтому присмотрѣться ближе къ двумъ элементамъ, которые, такъ сказать, вошли въ составъ нравственнаго существованія А. С. Пушкина и частью опредѣлили его“. Подобнымъ же образомъ и послѣдующій біографъ г. Векстернъ начинаетъ свой біографическій очеркъ А. С. Пушкина словами: „Если генеалогія лица, составляющаго предметъ изслѣдованія, имѣетъ законное право на мѣсто въ каждой біографіи, то въ біографіи Пушкина глава о происхожденіи положительно необходима“, въ особенности потому, что „самый характеръ Пушкина, состоящій весь изъ крайностей, почти несомѣстимыхъ, полный противорѣчій, непонятныхъ съ перваго взгляда, можетъ быть объясненъ только его происхожденіемъ, соединившимъ въ одномъ человѣкѣ африканскую кровь Ганнибаловъ съ чисто русской душою“.

Сознавая такую необходимость, новѣйшіе біографы Пушкина обыкновенно и приводили въ началѣ своихъ трудовъ данныя изъ родословной поэта, сообщая имѣвшіяся свѣдѣнія объ его родителяхъ и предкахъ, но этимъ однако все дѣло и ограничивалось. Въ дальнѣйшемъ изложеніи вліяніе наследственности и этими лучшими біографами оставалось въ тѣни, углубиться въ него они не пытались, да и въ главѣ, посвященной генеалогіи, не дѣлалось попытки разсмотрѣть подробнѣе возможную степень вліянія отдѣльных родовъ и сущности той африканской крови, которая текла въ жилахъ Пушкина. Объясняется это отчасти недостаточностью имѣющихся матеріаловъ, но отчасти и нежеланіемъ ими воспользоваться; съ другой стороны, нельзя не замѣтить, что вопросы этого рода выходятъ уже за предѣлы историко-литературнаго изученія и входятъ въ задачи изученія антропологическаго. Въ этомъ же отношеніи Пушкинъ еще совершенно не былъ предметомъ изслѣдованія, а между тѣмъ едва ли можетъ быть оспариваемо, что въ ряду выдающихся русскихъ людей, мыслителей и художниковъ, Пушкинъ долженъ быть отнесенъ къ числу тѣхъ, антропологическое изученіе которыхъ способно представлять наибольшій интересъ и даже, можно сказать, является необходимымъ.

Антропологическое изучение должно заключаться въ выясненіи типа личности, типа физическаго и психическаго, въ анализѣ ея наслѣдственныхъ чертъ и индивидуальныхъ особенностей, наконецъ, въ изученіи тѣхъ прижизненныхъ впечатлѣній, которыя могли имѣть вліяніе на духовный складъ и творчество писателя. Только на основаніи подобнаго детальнаго анализа можетъ быть построена синтезъ творческой личности, какъ продукта взаимодѣйствія между разнообразными прижизненными вліяніями и реагирующею на нихъ дѣятельною духовною природою человека. Несомнѣнно, что многія черты творческой дѣятельности Пушкина опредѣлились въ значительной степени испытанными имъ въ теченіе жизни впечатлѣніями, и нетрудно вообразить себѣ, что если бы эти впечатлѣнія были иными, если бы условія воспитанія и послѣдующей жизни поставили поэта въ иную обстановку, въ сношенія съ иными людьми, въ знакомство съ иными литературными теченіями и т. д., то и направленіе, и результаты его дѣятельности были бы другими, можетъ-быть болѣе, можетъ-быть менѣе значительными, но во всякомъ случаѣ — иными. Съ другой стороны, также несомнѣнно, что если бы Пушкинъ обладалъ иную природою, инымъ темпераментомъ, характеромъ, способностями, иначе сложнымъ умомъ и чувствомъ, короче сказать — иными наслѣдственными, прирожденными чертами, то тѣ же впечатлѣнія и вліянія отразились бы на немъ инымъ образомъ, вызвали бы иную реакцію, выразились бы не въ тѣхъ же самыхъ чувствахъ, звукахъ, мысляхъ, образахъ, и мы имѣли бы, можетъ-быть, тоже гениальнаго поэта, но не Пушкина. Такимъ образомъ, для полнаго выясненія личности Пушкина необходимо подвергнуть обстоятельному изученію какъ его наслѣдственные, прирожденные черты, такъ и всю сумму тѣхъ прижизненныхъ вліяній, которыя могли отразиться на складѣ и развитіи его художественнаго таланта.

Изученіе прижизненныхъ вліяній подражываетъ возможно полное сопоставленіе всѣхъ подробностей біографіи поэта, всѣхъ сколько-нибудь значительныхъ, полученныхъ имъ впечатлѣній, всѣхъ лицъ и событій, отразившихся на его жизни, мысли, чувствѣ, дѣятельности, всей исторіи созданія имъ своихъ произведеній въ связи съ вызвавшими ихъ поводами и обстоятельствами, однимъ словомъ, всего хода развитія духовной жизни поэта. Изученіе наслѣдственныхъ чертъ предполагаетъ выясненіе всѣхъ характерныхъ особенностей пушкинскаго типа и притомъ какъ самого поэта, такъ и его отца и матери и другихъ родичей въ восходящей линіи по крайней мѣрѣ до прадѣдовъ, сравненіе затѣмъ этихъ особенностей потомка въ особенностями предковъ и установленіе такимъ образомъ чертъ сходства съ различными родичами, вообще степени вліянія наслѣдственности.

Оба эти пути изученія важны и необхо-

димы, но для пониманія сущности гениальной личности изученіе наслѣдственныхъ чертъ представляетъ особенную важность. Одинаковыя или сходныя впечатлѣнія оказываютъ на разныхъ особей различное вліяніе: на однихъ сильное, на другихъ слабое, въ однихъ вызываютъ живую реакцію, творческую дѣятельность, но другимъ скользятъ, едва оставляя слѣдъ. Главная суть, слѣдовательно, заключается въ личности, воспринимающей впечатлѣнія и перерабатывающей ихъ въ своемъ сознаніи, въ своемъ мозгѣ, съ которымъ связана сознательная (и безсознательная) психическая дѣятельность. Мозгъ же есть прежде всего продуктъ наслѣдственности, какъ органъ, въ большей или меньшей степени одаренный способностью къ внутреннему развитію, къ воспріятію и обработкѣ впечатлѣній, къ творческому воспроизведенію ихъ въ новыхъ формахъ. При этомъ подъ наслѣдственностью мы разумѣемъ не только передачу въ зачаточномъ видѣ уже имѣющихся признаковъ родителей, семей, родовъ, но и созданіе въ потенціальной формѣ нѣкотораго новаго, особеннаго. Будучи съ одной стороны консервативной, передавая признаки вида, расы, семьи, ближайшихъ производителей, сила наслѣдственности вмѣстѣ съ тѣмъ и прогрессивна (или регрессивна), обладаетъ способностью накопить въ ряду поколѣній тенденціи къ измѣненію и давать имъ видимое выраженіе въ потомствѣ въ формѣ отклоненій отъ передаваемаго по наслѣдству типа. Консервативныя свойства наслѣдственности хорошо извѣстны изъ обыкновеннаго наблюденія: каждая органическая особь, каждый человекъ, сравниваемые съ ихъ производителями, наглядно то доказываютъ. Но не менѣе убѣдительно и свойство видоизмѣняющее: ни одинъ индивидуумъ не тождественъ съ другимъ, каждый несетъ на себѣ нѣчто свое, что дѣлаетъ его, по выраженію гр. Л. Н. Толстого, „единственнымъ, особеннымъ, неповторяемымъ“. Это „особенное“ можетъ отчасти оказываться при ближайшемъ сравненіи сходнымъ съ характернымъ для какаго-нибудь болѣе или менѣе отдаленнаго предка (дяди, дѣда, прадѣда), или являться комбинаціей признаковъ, свойственныхъ нѣсколькимъ родичамъ, но можетъ быть, а въ извѣстной степени и всегда бываетъ, особеннымъ, оригинальнымъ.

Была высказана (Ч. Дарвиномъ) гипотеза, что наслѣдственность, выражающаяся передачею признаковъ отъ отца и матери къ дѣтямъ, совершается такимъ образомъ, что всѣ морфологическіе элементы ихъ тѣла, въ томъ числѣ и мозга, отдаютъ мельчайшія частицы, которыя при посредствѣ половыхъ элементовъ переходятъ въ тѣло будущаго зародыша и даютъ, такъ сказать, основу для его дальнѣйшаго развитія. Но такъ какъ наблюденія показываютъ, что потомки могутъ выказывать сходство не съ однимъ отцомъ или матерью, но и съ болѣе отдаленными предками, то пришлось эту гипотезу

усложнить предположеніемъ, что наслѣдуются не только частицы элементовъ отца и матери, но и ихъ предковъ, и что затѣмъ, смотря по тому, какія частицы получаютъ при развитіи зародыша преобладаніе, устанавливается сходство съ тѣми или иными родичами въ восходящей линіи. Въ сущности однако такая гипотеза ничего не объясняетъ, ибо если даже допустить возможность такого выдѣленія и передачи въ рядѣ поколѣній матеріальныхъ частицъ, то изъ механическаго смѣшенія ихъ еще не можетъ получиться извѣстная форма съ присущими ей общими и особыми признаками и даже психическими задатками. Для объясненія наслѣдственности необходимо допустить передачу извѣстной образовательной силы, извѣстнаго движенія, которое выражается въ развитіи по опредѣленному плану, въ воспроизведеніи типа расы, рода, предковъ, но съ болѣе или менѣе индивидуальными особенностями, однимъ словомъ, въ передачѣ при посредствѣ матеріальнаго — чего-то потенціальнаго, направляющаго, животворящаго, духовнаго. Въ этомъ потенціальномъ можетъ преобладать отцовское или материнское, иногда, повидимому, даже дѣдовское или еще болѣе отдаленное, но можетъ находить себѣ выраженіе и смѣшеніе типовъ отца и матери или ихъ родовъ, а также является и нѣчто новое, самобытное, индивидуальное. Это новое можетъ быть объяснено или какъ результатъ накопившихся въ рядѣ поколѣній и остававшихся ранѣе скрытыми измѣненій, или какъ отклоненіе отъ наслѣдственнаго плана развитія; при томъ или другомъ объясненіи оно является новообразованіемъ, нѣсколько аналогичнымъ новому химическому тѣлу, возникающему изъ соединенія въ извѣстной пропорціи тѣлъ, бывшихъ извѣстными ранѣе, но выказывающему новые признаки и качества. Для болѣе выясненія явленій наслѣдственности необходимы были бы, впрочемъ, обстоятельныя наблюденія въ рядѣ семействъ и въ возможно болѣе длинномъ рядѣ поколѣній, при детальномъ изученіи физическаго и психическаго типа каждаго изъ членовъ этихъ семействъ и поколѣній, но покуда такого рода наблюденій въ сколько-нибудь значительныхъ размѣрахъ не имѣется, а потому и наши заключенія въ отношеніи явленій наслѣдственности и индивидуальныхъ особенностей вынуждены быть, по необходимости, во многихъ случаяхъ только гадательными.

Каждая творческая личность, вносящая въ духовное богатство общества нѣчто новое и значительное, можетъ быть разсматриваема какъ болѣе или менѣе рѣзкій скачокъ въ духовномъ развитіи даннаго общества и народа, какъ крупный плюсъ къ накопленному вѣками духовному наслѣдію. Творчество Пушкина доставило также значительный вкладъ въ духовное имущество русскаго народа и уже по одному этому оно заслуживаетъ болѣе обстоятельнаго изученія, и притомъ не только историко-литературнаго, но и

антропологическаго, самой личности поэта, и не въ смыслъ только возможно-болѣе полнаго собранія біографическихъ данныхъ, но и выясненія типа этой личности, какъ она сложилась на основѣ, переданной наслѣдственностью, подъ вліяніемъ разнообразныхъ впечатлѣній, пережитыхъ поэтомъ въ различныя эпохи его жизни. Установить эти послѣднія прижизненные вліянія, сравнительно, легче, такъ какъ въ этомъ отношеніи есть возможность руководиться довольно многочисленными біографическими данными, хотя, конечно, и они далеко не всѣ собраны и выяснены; но опредѣлить вліяніе наслѣдственности, выдѣлить то, что было у Пушкина лишь повтореніемъ или комбинаціей имѣвшагося у его предковъ, и установить то, что являлось совершенно новымъ, не въ отношеніи достигнутыхъ результатовъ, а въ смыслѣ способности или таланта,—эта задача весьма трудная, а въ значительной мѣрѣ и неосуществимая. Мы только-что сказали, что и въ біографіи самого А. С. Пушкина не все еще выяснено, что и въ ней имѣются пробѣлы, неясности, противорѣчія, но если таковы наши свѣдѣнія о центральной личности поэта, обращающей на себя такое вниманіе современниковъ и потомства, то данныя, имѣющіяся объ его родичахъ въ восходящихъ линіяхъ, много скуднѣе, а объ нныхъ изъ нихъ мы не знаемъ даже ровно ничего, кромѣ развѣ имени или одного—двухъ фактовъ. При такихъ условіяхъ, понятно, проблема выясненія наслѣдственныхъ вліяній можетъ быть только намѣчена; пользуясь отрывочными данными, мы въ состояніи сдѣлать лишь нѣсколько догадокъ, которыя, однако, будутъ, можетъ-быть, не совершенно бесполезными въ ряду другихъ матеріаловъ для возможнаго выясненія типа и природы Пушкина. Полное же пониманіе этой личности для насъ, вѣроятно, останется навсегда недоступнымъ, какъ и вообще пониманіе генія, духа, психическихъ процессовъ и даже какъ пониманіе причинности явленій вообще, не только въ духовномъ, но и въ

ихъ связи, не ихъ внутренней сущности. Настоящій очеркъ не задается цѣлю полнаго изученія личности Пушкина въ антропологическомъ и психологическомъ отношеніи. Задача его—только намѣтить нѣкоторые вопросы, попытаться выяснить нѣкоторые данныя и освѣтить съ новой точки зрѣнія нѣкоторые извѣстные факты. Но и въ этихъ предѣлахъ предлагаемый очеркъ является лишь предварительнымъ наброскомъ, черты котораго должны быть еще приведены въ болѣшую ясность и усилены въ болѣе обширномъ трудѣ. Только сознаніе важности настоящаго момента,—приближающагося вѣковаго юбилея поэта,—послужило поводомъ къ опубликованію этого наброска и притомъ, главнымъ образомъ, въ цѣляхъ вызвать усиленное собраніе матеріаловъ къ болѣшему разясненію затронутыхъ въ немъ вопросовъ. Какъ извѣстно, по поводу юбилея подготовляются выставки, художественныя изданія, собираются средства на памятникъ поэту, воспроизводятся его портреты, опубликовываются новыя данныя для его біографіи. Настоящій моментъ, характеризуемый усиленнымъ вниманіемъ къ личности Пушкина, является поэтому вполне уместнымъ для напомниманія о необходимости болѣе широкаго собранія матеріаловъ по многимъ вопросамъ, которые хотя и представляются иногда мало связанными съ историко-литературнымъ изученіемъ Пушкина, но разясненіе которыхъ можетъ быть небезынтересно для выясненія его личности.

I. Родословная А. С. Пушкина.

Родословная А. С. Пушкина въ главныхъ ея чертахъ извѣстна давно. Самъ поэтъ собиралъ о ней данныя и изложилъ ихъ въ отдѣльной замѣткѣ, появившейся впрочемъ уже послѣ его смерти. Впослѣдствіи были опубликованы, особенно П. Н. Анненковымъ, болѣе подробныя генеалогическія свѣдѣнія. Намъ нѣтъ надобности воспроизводить ихъ полностью; для нашихъ цѣлей достаточно ограничиться самыми необходимыми указаніями.

ный царями Иваномъ и Петромъ Алексѣевичами за его „службу, промыслы и храбрость“ жалованною грамотою. У этого Петра Пушкина было двое сыновей: Александръ и Ѳеодоръ; первый изъ нихъ былъ прадѣдомъ Александра Сергѣевича Пушкина по отцу, а второй прапрадѣдомъ поэта по матери. Александръ Петровичъ былъ женатъ на Евдокіи Ивановнѣ Головиной и имѣлъ сына Льва, женатаго вторымъ бракомъ на Ол. Вас. Чичериной, дочери полковника Вас. Ив. Чичерина и Лукіи (по другимъ свѣдѣніямъ Лукерьи) Ивановны, урожд. Приклонской. Въ числѣ дѣтей Льва Александровича былъ Сергѣй Львовичъ, отецъ поэта, вступившій въ бракъ съ Надеждой Осиповной Ганнибалъ, правнучкой Ѳеодора Петровича Пушкина. У Ѳеодора Петровича былъ сынъ Алексѣй Ѳеодоровичъ, женатый на Саррѣ Юрьевнѣ Ржевской и имѣвшій нѣсколько дѣтей, въ томъ числѣ дочь Марью Алексѣевну, вышедшую замужъ за Осипа Абрамовича Ганнибала, сына Абрама Петровича, „арана“ Петра Великаго, и нѣмки Шеберхъ. Дочь отъ этого брака, Надежда Осиповна, сдѣлалась женою своего внучатаго дяди, Сергѣя Львовича Пушкина, и матерью знаменитаго русскаго поэта.

Изъ этой родословной видно, что въ лицѣ Александра Сергѣевича Пушкина, принимая во вниманіе только ближайшія къ нему поколѣнія его предковъ, до прадѣдовъ включительно, слились не два рода, Пушкиныхъ и Ганнибаловъ, какъ обыкновенно выражаются біографы, а семь родовъ, причемъ нетрудно выразить, въ числовой мѣрѣ, и относительное участіе каждаго рода въ крови А. С. Пушкина. Родъ Пушкиныхъ, вслѣдствіе передачи его крови отъ отца и отъ матери, долженъ выразиться цифрою $\frac{2}{8}$, остальные же шесть родовъ, именно Головиныхъ, Чичериныхъ, Приклонскихъ, Ржевскихъ, Ганнибаловъ и Шеберховъ, каждый— $\frac{1}{8}$. Цифры эти, конечно, не могутъ опредѣлять въ точности вліяніе того или инаго рода; одна кровь можетъ получить большее преобладаніе, чѣмъ другая. Но нѣтъ также основаній полагать, что только кровь двухъ родовъ

органическомъ и неорганическомъ мірѣ. Извѣстно, что намъ доступно вообще только установленіе послѣдовательности и зависимости явленій, но не причинной

Во второй половинѣ XVII вѣка жилъ въ Москвѣ стольникъ Петръ Петровичъ Пушкинъ, служившій царю Алексѣю Михайловичу и его преемникамъ и удостоен-

была передана предками своему потомку; естественно думать, что всѣ семь родовъ могли передать А. С. Пушкину тѣ или иныя свои особенности.

Родъ Пушкиныхъ ведетъ свое происхождение, какъ извѣстно, отъ какого-то знатнаго иноземца („мужа честна“) Радши, выѣхавшаго въ Россію при Александрѣ Невскомъ „изъ Пруссіи“, по словамъ А. С. Пушкина, или „изъ нѣмца“, какъ сказано въ старинныхъ родословцахъ. Кто былъ собственно этотъ Радша — нѣмецъ, славянинъ, литовецъ, венгерецъ — неизвѣстно; такое прозвище, объяснимое впрочемъ скорѣе изъ славянскаго языка, могло принадлежать представителю любой изъ этихъ народностей. Потомки Радши упоминаются въ числѣ новгородскихъ бояръ и были родоначальниками многихъ русскихъ дворянскихъ родовъ (Свибловыхъ, Бутурлиныхъ, Мятлевыхъ, Каменскихъ, Чулковыхъ, Кологривовыхъ и др.). Собственно Пушкины производили себя отъ потомка Радши въ шестомъ поколѣніи, Григорія Пушки, и именно отъ пятаго изъ семи его сыновей, Константина Пушкина. Послѣ разгрома Великаго Новгорода Пушкины переселились (вѣроятно, были переселены насильно) въ Москву и сначала были въ опалѣ, но затѣмъ, уже къ концу царствованія Ивана Грознаго, стали возвышаться. Особенную извѣстность изъ нихъ получили: Остафій Михайловичъ Пушкинъ при Оедорѣ Ивановичѣ и Борисъ Годуновѣ, Гаврила Григорьевичъ — „великій сокольничій“, при Дмитріи Самозванцѣ и бояринъ Григорій Гавриловичъ, бывший посломъ въ Польшѣ съ титуломъ нижегородскаго намѣстника, при Алексѣѣ Михайловичѣ. Александръ Сергѣевичъ происходилъ, впрочемъ, изъ боковой линіи, отъ Петра Петровича Пушкина, среди ближайшихъ потомковъ котораго заслуживаютъ быть отмѣченными нѣкоторыя черты психической ненормальности. Прадѣдъ поэта, Александръ Петровичъ, умеръ (по преданію, слышанному А. С. Пушкинымъ) весьма молодъ, въ припадкѣ *сумасшествія* зарѣзавъ свою жену, находившуюся въ родахъ. Единственный сынъ его, Левъ Александровичъ, былъ, по словамъ его внука, „человѣкъ пылкій и жестокий. Первая жена его, урожденная Воейкова, умерла на соломѣ, заключенная имъ въ домашнюю тюрьму за мнимую или настоящую ея связь съ французомъ, бывшимъ учителемъ его сыновей, и котораго онъ весьма феодално повѣсилъ на черномъ дворѣ. Вторая жена его, урожденная Чичерина, довольно отъ него натерѣлась“. Хотя всѣ эти факты не выходятъ за предѣлы барскаго самодурства того времени, — а Левъ Александровичъ Пушкинъ былъ крупный баринъ, владѣлецъ 3,000 душъ, имѣвшій главную свою резиденцію въ с. Болдино Нижегородской губ., — тѣмъ не менѣе, нѣкоторыя „странности“ его, о которыхъ глухо слышалъ поэтъ, едва ли не указываютъ на нѣчто ненормальное. Въ другой вѣтви, происходившей отъ Оед. Петр. Пушкина, также были, повидимому, потомки, проявлявшіе черты ненормальности. По крайней мѣрѣ, относительно Алексѣя Михайловича

Пушкина, племянника Марьи Алексѣевны (по мужу Ганнибалъ), ранѣе свитскаго офицера, потомъ преподавателя математики въ Москвѣ и переводчика Мольеровскаго „Тартюфа“, есть свѣдѣніе, что подъ конецъ жизни онъ страдалъ галлюцинаціями, громко разговаривалъ съ призраками и проявлялъ другія странности.

Сынъ Льва Александровича, Сергѣй Львовичъ, отецъ поэта, былъ однимъ изъ типичныхъ представителей вырождавшагося крѣпостническаго барства. По словамъ барона М. Н. Корфа (лицейскаго товарища А. С. Пушкина, жившаго и потомъ съ своею семьею лѣтъ пять „подъ одной крышей“, т. е. въ одномъ и томъ же домѣ, съ Пушкиными въ Петербургѣ), „все семейство Пушкиныхъ было какое-то взбалмошное. Отецъ его (Сергѣй Львовичъ) былъ довольно пріятнымъ собесѣдникомъ, на манеръ старинной французской школы, съ анекдотами и каламбурами, но въ существѣ человѣкомъ самымъ пустымъ, безтолковымъ, бесполезнымъ и особенно безмолвнымъ рабомъ своей жены“. Какъ выразился П. Н. Анненковъ, въ лицѣ Сергѣя Львовича „крѣпостническая нерасчетливость соединялась съ невообразимымъ отвращеніемъ къ какому-либо занятію“. Въ молодости отличаясь разсѣянностью и забывчивостью, онъ тяготился военною службою и, женившись, поспѣшилъ выйти въ отставку, позже онъ пытался служить въ комиссаріатѣ, но по прошествіи немногихъ лѣтъ снова покинулъ службу, трудно совмѣщавшуюся съ его лѣнью и разсѣянностью. Сельскимъ хозяйствомъ онъ не занимался, деревни не любилъ и въ нѣкоторыхъ своихъ имѣніяхъ никогда не бывалъ, предоставивъ заведываніе ими управляющимъ, отъ которыхъ, въ концѣ концовъ, и крестьяне были разорены и самъ онъ почти разорился. Одиночество было для него, повидимому, невыносимымъ; въ деревнѣ онъ цѣлыя недѣли проводилъ въ развѣздахъ по своимъ роднымъ и сосѣдямъ, а въ городѣ „въ бѣготнѣ за вышнимъ свѣтомъ, въ толкотнѣ между людьми и въ пересудахъ слышаннаго и видѣннаго“. Пріятели его любили, какъ пріятнаго и веселаго собесѣдника, но считали его недалекимъ и подшучивали какъ надъ нимъ, такъ и надъ его братомъ, Василиемъ Львовичемъ. Обычно нерасчетливый, онъ проявлялъ вмѣстѣ съ тѣмъ мелочную скупость и дѣлалъ иногда сцены взрослымъ сыновьямъ изъ-за нѣсколькихъ десятковъ копѣекъ на извозчика. Относясь съ полнѣйшимъ равнодушіемъ и презрѣніемъ къ своимъ крѣпостнымъ, онъ могъ плакать двѣ недѣли объ околѣвшей собакѣ, лишившись отъ того сна, аппетита, — „какъ только дѣтей оплакиваютъ“, по словамъ его же собственной жены. Онъ самъ писалъ дочери по поводу этого событія, что хотѣлъ бы воздвигнуть своему „вѣрному другу“ мавзолей, да боятся своихъ мужлановъ — „вотъ кто настоящіе животныя — запишутъ меня въ язычники“ (*mes imbéciles de manants—voilà les vrais animaux—m'inscriront sur la liste des*

raïens). По выраженію А. И. Кирпичникова, „онъ былъ способенъ острить у смертнаго одра жены—за-то иногда отъ пустяковъ разливался въ слезахъ“. Въ глубокой старости, овдовѣвшій, потерявшій сына, наполовину разоренный, онъ въ состояніи былъ еще влюбиться въ дѣвушку 16-ти лѣтъ, сосѣдку по имѣнію, писалъ ей французскіе стихи, предлагалъ свою руку. Эгоистичный, вспыльчивый, въ сущности не злой, но безтолковый и безхарактерный, съ вѣчной своей фразой „*que la volonté du ciel soit faite*“, онъ не способенъ былъ внушить къ себѣ уваженія въ дѣтяхъ, которыя не могли забыть гнета въ родительскомъ домѣ и равнодушія къ нимъ отца въ ихъ молодые годы: впоследствии Александръ Сергѣевичъ относился съ сожалѣніемъ къ отцу и помогалъ ему выпутываться изъ матеріальныхъ затрудненій. Литературные успѣхи сына, о которомъ всюду говорили, конечно, пріятно щекотали самолюбіе отца и заставляли позже ими гордиться, но искреннихъ, теплыхъ отношеній между отцомъ и сыномъ никогда не было (какъ, впрочемъ, и между многими отцами и дѣтьми) а, напротивъ, были цѣлые годы взаимнаго игнорирования и моменты крупныхъ размолвокъ, чуть не полнаго временнаго разрыва. Если чѣмъ Александръ Сергѣевичъ былъ обязанъ своему отцу (и его библіотекѣ), то главнымъ образомъ раннимъ интересомъ къ изяшной литературѣ, особенно знакомствомъ съ французскими классиками и эротическими поэтами („которыхъ, — по выраженію директора царскосельскаго лицея, Энгельгардта, — онъ при поступленіи въ лицей зналъ почти наизусть“); извѣстное влияніе должна была оказать и страсть Сергѣя Львовича къ французскому стихотворству, чему отдалъ дань въ раннемъ отрочествѣ и Александръ Сергѣевичъ. Хотя вообще въ отношеніи стихотворства большое значеніе имѣлъ, повидимому, примѣръ „дяди по Парнасу“, Василия Львовича Пушкина, а затѣмъ посѣщавшихъ домъ отца литераторовъ, тѣмъ не менѣе нельзя не замѣтить, что страсть къ писанію стиховъ проявлялась и у сестры поэта, Ольги Сергѣевны, и у брата, Льва Сергѣевича. Извѣстныя черты въ характерѣ А. С. Пушкина — его безпечность, нерасчетливость, общительность, стремленіе къ „шуму и толпѣ“ — также могли быть отчасти свойствами, унаслѣдованными отъ родителя, но, во всякомъ случаѣ, не отъ отца могъ наслѣдовать непосредственно Александръ Сергѣевичъ свой блестящій, рано проявившійся талантъ, свою способность къ пониманію природы и человѣка, свое искусство въ пользованіи русскимъ языкомъ.

Было бы интересно составить себѣ нѣкоторое представленіе о томъ, какое влияніе, чрезъ посредство Сергѣя Львовича, могли имѣть на природу Александра Сергѣевича другіе роды, кровь которыхъ смѣшалась съ Пушкинскимъ родомъ, но для этого мы располагаемъ слишкомъ малымъ

числомъ данныхъ. Относительно рода Головинныхъ известно, что онъ происходитъ отъ выѣхавшаго въ Москву изъ Крыма, при великомъ князѣ Васи́лѣ Дми́триевичѣ, въ 1391 г., грека, бывшаго владѣльца городовъ Судака, Мангуна и Балаклавы, князя Степана, Васильева сына, по прозвищу Ховра (Хомра, Комра). Дѣти его уже не писались князьями и носили фамилію Ховринныхъ, а въ четвертомъ поколѣніи нѣкто Иванъ Васильевъ, прозвищемъ Голова, женатый на кн. Ан. Дан. Холмской, сдѣлался родоначальникомъ фамиліи Головинныхъ. Супруга Алекс. Петр. Пушкина, Евдокія Ивановна, была дочерью Ивана Михайловича Головина, одного изъ любимыхъ денщиковъ Петра I-го, по словамъ А. С. Пушкина— „перваго андреевскаго кавалера“, но, повидимому, поэтъ въ этомъ случаѣ ошибся, такъ какъ первымъ андреевскимъ кавалеромъ былъ, насколько известно, старшій братъ, Автономъ Михайловичъ Головинъ, томившійся много лѣтъ въ плѣну, въ Стокгольмѣ, и умершій бездѣтнымъ. Иванъ Михайловичъ учился въ Голландіи вмѣстѣ съ Государемъ кораблестроенію, и впоследствии Петръ пилъ здоровье „фамилін“ Ивана Михайловича, разумѣя подъ нею русскій флотъ. Сохранились анекдоты, свидѣтельствующіе о патриотизмѣ и преданности царю Ивана Михайловича, но любопытно, что онъ не имѣлъ при Петрѣ адмиральскаго знанія (получилъ его только при Аннѣ Иоанновѣ), что, по словамъ Вебера и Бергхольца, онъ и не зналъ кораблестроительнаго искусства, что во время болѣзни Зотова и послѣ его смерти онъ исполнялъ шутовскую роль святѣйшаго папы на свѣткахъ, что во время парадныхъ обѣдовъ, по разсказу Бергхольца, потѣшались надъ его обжорствомъ, вливая ему въ ротъ большія порціи желе и т. п. Достаточное представленіе объ этой личности составить вообще трудно, а объ его дочери мы и ровно ничего не знаемъ. Не много известно и о ближайшихъ представителяхъ рода Чичеринныхъ, изъ котораго происходила бабка Пушкина по отцу, Ольга Васильевна. Родоначальникомъ этой фамиліи въ Россіи былъ итальянецъ изъ Флоренціи, Аѳанасій Чичери, выѣхавшій въ Москву въ свитѣ невѣсты великаго князя Ивана III Васильевича Софіи Палеологъ. Отецъ Ольги Васильевны, полковникъ Василій Ивановичъ Чичеринъ, принималъ, повидимому, участіе въ разныхъ петербургскихъ событіяхъ 1740-хъ годовъ. Будучи капитаномъ л.-гв. Семеновскаго полка, онъ пострадалъ при розыскахъ Бирона, былъ пожалованъ затѣмъ въ секундъ-майоры, снова замѣнанъ въ дѣлѣ гр. Остермана, гр. Головина и др., переведенъ въ армію премьеръ-майоромъ, произведенъ въ полковники и назначенъ полтавскимъ комендантомъ. Итальянская кровь рода Чичеринныхъ, по всей вѣроятности, уже въ XVI в. растворилась въ крови другихъ дворянскихъ родовъ, съ которыми породнились Чичерины въ Москвѣ, но возможно, что нѣкоторыя черты ея и вы-

ступали иногда у позднѣйшихъ потомковъ. За отсутствіемъ портретовъ и детальнаго указанія трудно сдѣлать въ этомъ отношеніи какія-либо заключенія, но возможна догадка, что даже въ Сергѣѣ и Васи́лѣ Львовичахъ проявлялись еще нѣкоторыя слѣды этой крови. Въ пользу этого говорятъ какъ-будто и фizioномическія черты обоихъ братьевъ: длинный узкій, слегка горбатый носъ, вообще окладъ лица скорѣе романскаго, чѣмъ славянскаго типа и даже, можетъ быть, нѣкоторыя черты духовнаго склада, вкусовъ и наклонностей.

Родъ Приклонскихъ ведетъ свое происхожденіе отъ Михаила Васильевича Приклонскаго, жившаго въ XIV вѣкѣ и потомки котораго въ XVI-мъ и первой половинѣ XVII-го вѣка были нижегородскими дворянами, а затѣмъ появляются въ числѣ московскихъ дворянъ, стольниковъ, наконецъ бригадировъ и т. д. Отецъ Лукинъ Васильевны Приклонской, по мужу Чичериной, былъ стольникъ, потомъ бригадиръ, женатый на Ульянѣ Юр. Есиповой; другая дочь его, Анна Васильевна, была замужемъ за княземъ Алексѣемъ Андр. Оболенскимъ, правнукомъ котораго былъ поэтъ Дмит. Влад. Веневитиновъ, приходившійся такимъ образомъ дальнею родней А. С. Пушкину¹⁾. Объ особенностяхъ представителей рода Приклонскихъ намъ ничего неизвѣстно.

Генеалогія матери поэта, начиная съ прадедовъ, идетъ отъ Алексѣя Федоровича Пушкина, тамбовскаго воеводы, владѣльца с. Покровскаго (въ 22-хъ верстахъ отъ Липецка, ранѣе именовавшагося не городомъ, а заводомъ). Онъ былъ женатъ на Саррѣ Юрьевнѣ, дочери Юрія Алексѣевича Ржевскаго, одного изъ любимыхъ Петра I, сына окольного Алексѣя Ивановича Ржевскаго, умершаго въ 1704 г. Родъ Ржевскихъ происходитъ отъ удѣльнаго князя Федора Федоровича Ржевскаго, потомка князя Юрія Святославича смоленскаго. Объ особенностяхъ ближайшихъ къ поэту представителей этого рода почти ничего неизвѣстно. Пушкинъ въ „Арапѣ Петра Великаго“ знакомитъ насъ съ Гаврилою Аѳанасьевичемъ Ржевскимъ, который, по его описанію, „происходилъ изъ древняго боярскаго рода, владѣлъ огромнымъ имѣніемъ, былъ хлѣбосоль, любилъ соколиную охоту, дворня его была многочисленная; словомъ, онъ былъ коренной русскій баринъ, по его выраженію, не терпѣлъ нѣмецкаго духа и старался въ домашнемъ быту сохранять обычай любезной ему старины“. Мы не знаемъ однако, насколько эта характеристика можетъ относиться къ одному изъ историческихъ Ржевскихъ, и не взята ли была эта фамилія только потому, что она пришла на память поэту, какъ принадлежавшая одному изъ его предковъ. Судя по тому, что мы знаемъ о Марьѣ Алексѣевнѣ, урожденной Ржевской, можно думать, что для характеристики Гаврилы Аѳанасьевича

¹⁾ Нѣкоторыми любопытными генеалогическими подробностями мы обязаны любезности М. А. Веневитинова.

Пушкинъ воспользовался преданіемъ объ Алексѣѣ Михайловичѣ Ржевскомъ. Дочь Алексѣя Михайловича, Марья Алексѣевна, вышла въ 1772 г. замужъ за флотскаго офицера Осипа Абрамовича Ганнибала, командированнаго на линецкій литейно-пушечный заводъ и часто посѣщавшаго сосѣднее имѣніе Пушкиныхъ. Бракъ этотъ оказался несчастнымъ; проживъ съ женой года полтора или, считая до окончательнаго разрыва, года четыре, Осипъ Абрамовичъ покинулъ свою жену и дочь, уѣхавъ въ Псковъ, гдѣ скоро сошелся съ новоржевской помѣщицей, вдовой капитана Устиньей Ермолаевной Толстыхъ (или Толстой), на которой и женился въ 1779 г. при живой женѣ, чѣмъ вызвалъ сложный процессъ, окончившійся только въ 1784 г. Марья Алексѣевна, поддерживаемая своимъ братомъ, подполковникомъ Михаиломъ Алексѣевичемъ Пушкинымъ, и своимъ деверемъ, Иваномъ Абрамовичемъ Ганнибаломъ, вынуждена была вести съ мужемъ бракоразводное дѣло и съ трудомъ могла добиться выдѣла въ пользу дочери четвертой части его недвижимаго имѣнія. Вообще Марьѣ Алексѣевнѣ пришлось испытать много хлопотъ и горя, и единственнымъ утѣшеніемъ ея была дочь, Надежда Осиповна, воспитывавшаяся съ нею на попеченіи ея опекуна и дяди Ивана Абрамовича. Послѣ выхода дочери замужъ за своего дальняго родственника, Сергѣя Львовича Пушкина, Марья Алексѣевна переселилась къ зятю и приняла на себя заботы о хозяйствѣ новой семьи. Насколько известно, это была женщина замѣчательная, умная, энергичная, общительная, какъ думаютъ, Александру Сергѣевичу первыя преданія объ его предкахъ и бывшая первой его наставницей въ русскомъ языкѣ. „Баронъ Дельвигъ еще въ лицѣ приходилъ въ восторгъ отъ ея письменнаго слога, отъ ея сильной простой русской рѣчи. Къ несчастью,—пишетъ П. В. Анненковъ,—мы не могли отыскать ни малѣйшаго образчика того безыскусственнаго и мужественнаго выраженія, которымъ отличались ея письма и разговоры“. „Преданіе изображаетъ намъ Марью Алексѣевну,—сообщаетъ Анненковъ въ другомъ своемъ трудѣ,—какъ настоящую домохозяйку, по образу, существовавшей еще очень недавно. Дѣвчѣ ея,—слышали мы,—постоянно была набита дворовыми и крестьянскими малолѣтками, которые, подъ неусыпнымъ ея бдѣніемъ, исполняли разнообразныя уроки, всегда хорошо разсчитанные по силамъ и способностямъ каждой дѣвочки и каждого мальчика. Отсюда восходила она очень просто до управленія взрослыми людьми и до хозяйственныхъ распоряженій по имѣнію, наблюдая точно также, чтобы ни одна сила не пропала даромъ, и т. д. Въ этой сферѣ выросла дочь ея, Надежда Осиповна—балованное дитя, окруженное съ малолѣтства угодливостью, потворствомъ и лестью окружающихъ, что сообщило праву молодой красивой креолки, какъ ее потомъ называли въ свѣтѣ, тотъ отбѣнокъ вспылъ-

чивости, упорства и капризного властолюбия, который замѣчали въ ней позднѣе и принимали за твердость характера. Можетъ-быть, однако, указанныя черты объясняются не столько условіями воспитанія Надежды Осиповны, какъ полагалъ Анненковъ, сколько наслѣдственными свойствами со стороны отца, отразившимися явственно и на физическомъ типѣ „креолки“. Вліяніе рода Ганнибаловъ, несомнѣнно, должно было играть видную роль въ ихъ потомствѣ на русской почвѣ, и на немъ необходимо остановиться подробнѣе. Присутствіе африканской крови составило во всякомъ случаѣ наиболѣе характерную особенность въ ряду наслѣдственныхъ чертъ А. С. Пушкина, сообщившую его природѣ наиболѣе своеобразный отпечатокъ, а потому болѣе подробное изученіе этого африканскаго типа является существенно важнымъ для лучшаго выясненія типа А. С. Пушкина.

II.

Абрамъ Петровичъ Ганнибалъ, „арапъ“ Петра Великаго.

Родоначальникомъ фамиліи Ганнибаловъ былъ арапъ Петра Великаго, Ибрагимъ (Абрамъ), привезенный въ Россію изъ Константинополя мальчикомъ 9—10-ти лѣтъ. Оставляя пока въ сторонѣ вопросъ объ его происхожденіи, мы ограничимся лишь фактомъ, что онъ былъ уроженцемъ Африки, и остановимся на его судьбѣ въ Россіи. Наиболѣе подробными свѣдѣніями о немъ мы обязаны А. С. Пушкину, который, вѣроятно, еще въ дѣтствѣ слышалъ о своемъ прадѣдѣ отъ своей матери и бабки, а затѣмъ, поѣхавъ по окончаніи курса въ лицей, въ 1817 г., въ псковскую деревню своей матери, познакомился съ другими потомками „арапа“, въ томъ числѣ съ его сыномъ, Петромъ Абрамовичемъ, бывшимъ въ это время уже 77-лѣтнимъ старикомъ. Собранныя тогда поэтомъ „семейныя преданія“ и личныя впечатлѣнія онъ помѣстилъ, повидимому, въ свою „біографію“, которую началъ писать, по его словамъ, въ 1821 г., и занимался ею нѣсколько лѣтъ сряду, но, — какъ замѣтилъ онъ впоследствии, — „въ концѣ 1825 г., при открытіи несчастнаго заговора, принужденъ былъ сжечь свои тетради, которыя могли замѣшать имена многихъ, а можетъ-быть и умножить число жертвъ“. Первые свѣдѣнія о Ганнибалахъ въ печати были даны Пушкинымъ въ примѣчаніи къ I-ой нѣснѣ I-й главы „Онѣгина“, къ строфѣ „Подъ небомъ Африки моей“. Глава эта была закончена 22-го сентября 1823 г. въ Кишиневѣ, а окончательно исправлена и отослана для печатанія съ братомъ поэта, Львомъ Сергѣевичемъ, въ Петербургъ не позже сентября—октября 1824 г. Въ то время у Пушкина, повидимому, еще не было писанныхъ матеріаловъ для біографіи своего прадѣда; въ указанномъ примѣчаніи отмѣчено, что „странная жизнь Аннибала“ извѣстна только изъ „семейныхъ преданій... по причинѣ недостатка историческихъ записокъ“.

Но немного позже Пушкину удалось добыть такія „записки“. Въ письмѣ къ П. А. Осиповой отъ 11-го августа 1825 года онъ сообщаетъ между прочимъ, что намѣренъ посѣтить умирающаго тогда стараго „арапа“ (Петра Абрамовича) для полученія отъ него „мемуаровъ, касающихся прадѣда“. Эти мемуары и были имъ, повидимому, тогда получены. Въ бумагахъ Пушкина сохраняются: 1) краткая записка Петра Абрамовича Ганнибала о своемъ отцѣ, написанная на синей бумагѣ съ водянымъ знакомъ 1823 года; 2) подробная нѣмецкая біографія Абрама Петровича Ганнибала, писанная мелкимъ готическимъ почеркомъ, и 3) вольный русскій ея переводъ, писанный рукою самого поэта. Эта нѣмецкая біографія составлена была, несомнѣнно, лицомъ близкимъ къ Абраму Петровичу, относившимся съ большимъ почтеніемъ къ его памяти и пользовавшимся, очевидно, свѣдѣніями изъ первыхъ рукъ, т. е. исходившими, надо думать, отъ самого „арапа“. Вѣроятно же всего, что она была написана однимъ изъ сыновей „арапа“, напр., Иваномъ Абрамовичемъ, и притомъ съ очевидною цѣлью изобразить родоначальника фамиліи въ самомъ благоприятномъ свѣтѣ съ умолчаніемъ о всѣхъ менѣе лестныхъ для него подробностяхъ. Что она не могла быть составлена Петромъ Абрамовичемъ, явствуетъ, помимо ея большой детальности, еще изъ того, что она и въ самомъ изложеніи фактовъ разнится отъ записки, составленной послѣднимъ. По стилю и языку можно заключить, что біографія эта была написана лицомъ, хорошо знакомымъ съ нѣмецкимъ языкомъ, но мало образованнымъ и дѣлавшимъ часто ошибки въ орфографіи и этимологіи (нѣверныя окончанія словъ, смѣшеніе надеждъ, пропускъ нѣкоторыхъ вспомогательныхъ глаголовъ, такія ошибки, какъ, напр., *vorigten* вмѣсто *vorigen*, и т. п.). Рядомъ съ этими біографическими записками въ бумагахъ Пушкина сохранились еще: копія съ прошенія Абрама Петровича императрицы Елисаветы Петровны объ утвержденіи въ дворянствѣ и дарованіи герба, съ послѣдовавшей по прошествіи многихъ лѣтъ резолюціей герольдмейстерской конторы, и копія съ письма къ Абраму Петровичу императрицы Екатерины II. Все это убѣдительно доказываетъ, какъ интересовался Пушкинъ матеріалами по біографіи своего африканскаго прадѣда. Матеріалами этими онъ отчасти воспользовался впоследствии въ своей замѣткѣ о Пушкинскихъ и Ганнибалахъ, а еще ранѣе того нѣкоторыя данныя нѣмецкой біографіи использованы были имъ въ неоконченной повѣсти „Арапъ Петра Великаго“, задуманной въ 1826 году и первая глава которой были написаны осенью 1827 года.

Первая печатная біографія Абрама Ганнибала появилась, впрочемъ, лѣтъ за пятнадцать до того времени, какъ Пушкинъ опубликовать (въ примѣчаніи къ Онѣгину) слышанныя имъ преданія о своемъ африканскомъ прадѣдѣ. Біографія эта была составлена Г. ф. Гельбигомъ и помѣщена въ

его книгѣ „Russische Günstlinge“ („Русскіе фавориты“ или, какъ перевелъ В. В. Вильбасовъ) въ *Русской Старинѣ*, 1886 г., апрѣль, „Русскіе избранники и случайные люди“, изданной въ 1809 г. въ Тюбингенѣ и оставшейся, повидимому, неизвѣстной Пушкину. Данныя о Ганнибалѣ занимаютъ здѣсь всего одну страницу; въ нихъ говорится, что А. П. Ганнибалъ былъ негръ (Mohr), привезенный, въ качествѣ юнга, Петромъ I изъ Голландіи въ Россію, что Петръ окрестилъ его, былъ его крестнымъ отцомъ и назвалъ Абрамомъ Ганнибаломъ, а Петровичемъ его называли по крестному отцу; что молодой негръ имѣлъ свѣтлую голову и проявилъ большія способности въ изученіи фортификаціонныхъ наукъ, что онъ служилъ затѣмъ въ корпусѣ инженеровъ, занималъ постъ его директора, дослужился до званія генералъ-лейтенанта и имѣлъ ордена св. Александра Невскаго и св. Анны; что онъ вышелъ въ отставку, по своему желанію, при Петрѣ III и умеръ въ 1781 году, имѣя 87 лѣтъ. „Онъ былъ женатъ два раза. Говорятъ, будто отъ первой жены онъ имѣлъ все бѣлыхъ, отъ второй—все черныхъ дѣтей“. Всѣ эти данныя, какъ и большая часть свѣдѣній, приведенныхъ въ книгѣ Гельбига, въ общемъ соотвѣтствуютъ дѣйствительности, хотя и далеко неполны; нѣверно только, что Ганнибалъ былъ привезенъ изъ Голландіи, такъ какъ его привезли въ Россію изъ Константинополя.

Въ русской литературѣ первыя біографическія извѣстія о Ганнибалѣ (если не считать примѣчанія Пушкина къ первой главѣ „Онѣгина“ и опозтизированнаго изображенія въ „Арапѣ Петра Великаго“) появились въ 1836 г., въ „Словарѣ достопамятныхъ людей русской земли“, сост. Д. Бантышъ-Каменскимъ (который пользовался, по его словамъ, преданіями, сообщенными Пушкинымъ). Впрочемъ, уже ранѣе, въ „Анекдотахъ о Петрѣ Великомъ“ И. И. Голикова, были приведены рассказы Ганнибала объ отношеніяхъ къ нему этого государя, у котораго онъ, будучи отрокомъ и юношей, исполнялъ роль денщика, причемъ, такъ какъ онъ отличался большою чуткостью, на обязанности его лежало спать поблизости отъ царя и подавать ему по зову аспидную доску, для написанія на ней приходившихъ нерѣдко Петру и ночью мыслей. Утромъ эти мысли или обдѣлывались въ какое-нибудь распоряженіе, или заносились для памяти въ записную книжку. Болѣе подробныя данныя о Ганнибалахъ, какъ Абрамъ Петровичъ, такъ и его сыновьяхъ, Иванѣ и Осипѣ, были сообщены самимъ поэтомъ въ замѣткѣ, которая была напечатана послѣ его смерти, въ 1840 г., въ *Сынѣ Отечества* подъ заглавіемъ „Отрывки изъ дневника А. С. Пушкина“, а впоследствии перепечатывалась подъ названіемъ „Родословная Пушкинскихъ и Ганнибаловъ“. Анненковъ отнесъ эту замѣтку къ 1830 г., въ чемъ за нимъ слѣдуетъ и Гротъ, но, судя по бумагѣ, чистовая рукопись этой замѣтки относится ко времени не ранѣе

1834 г. Въ позднѣйшее время объ Абрамѣ Ганнибалѣ были опубликованы результаты изслѣдованій Лонгинова въ 1864 г. („Хронологическія данныя на основаніи формулярнаго списка“), Хмырова въ 1873 г. („Біографія съ новыми данными, извлеченными изъ архивовъ, о пребываніи Ганнибалы мальчикомъ въ московскомъ дворцѣ, затѣмъ послѣ смерти Екатерины I въ Сибири и еще позже въ Ревелѣ“) и Оpatовича въ 1877 г. („О первой женѣ А. П. Ганнибала“). Любопытно, что еще въ 1873—74 гг. Анненковъ въ своихъ статьяхъ о Пушкинѣ въ Александровскую эпоху нашелъ возможнымъ высказать, что „послѣ краткой, но обстоятельной и дѣльной монографіи А. П. Ганнибала, составленной М. Н. Лонгиновымъ и помѣщенной въ *Русскомъ Архивѣ* 1864 г. № 2, всѣ данныя для жизнеописанія знаменитаго арапа, кажется, исчерпаны“. Между тѣмъ, Лонгиновъ не только далеко не исчерпалъ имѣвшихся данныхъ, — что доказываютъ свѣдѣнія, опубликованныя послѣ него Хмыровымъ и Оpatовичемъ, — но и не имѣлъ (равно какъ и два послѣдующихъ автора) доступа къ бумагамъ Пушкина, въ которыхъ находится наиболѣе полная біографія „арапа“. Воспользовался этими бумагами первый Анненковъ, но и онъ не вполне исчерпалъ ихъ, считая, повидимому, нѣкоторыя подробности мало интересными или относясь къ нимъ скептически.

Въ указанномъ прошеніи объ утвержденіи въ дворянствѣ А. П. Ганнибалъ объяснилъ о себѣ слѣдующее: „Родомъ я низайшій изъ Африки, тамошняго знатнаго дворянства, родился во владѣнн отпа моего въ городѣ Лагонѣ, который и кромѣ того имѣлъ подъ собою еще два города. Въ 706 году выѣхалъ я въ Россію изъ Царяграда при графѣ Саввѣ Владиславичѣ, волею своею въ малыхъ лѣтахъ, и привезенъ въ Москву въ домъ блаженныя и вѣчно достойныя памяти Государа Императора Петра Великаго и крещенъ въ православную греческаго исповѣданія вѣру, а восприемникомъ присутствовать изволилъ Его Императорское Величество своею Высочайшею персоною, и отъ того времени былъ при Его Императорскомъ Велиествѣ неотлучно“. Показаніе это весьма важно, такъ какъ даетъ названіе мѣстности, по которому можно добраться и до мѣста родины знаменитаго „арапа“. Отлагая этотъ вопросъ до слѣдующей главы, мы напомнимъ теперь главнѣйшія черты изъ жизни Абрама Петровича. Привезенъ онъ былъ въ Москву изъ Константинополя, по собственнымъ словамъ его, „своею волею“, а по показанію его сына, Петра Абрамовича, былъ „выкраденъ“ изъ константинопольскаго дворца. Въ нѣмецкой же біографіи его сказано, что онъ былъ привезенъ въ Константинополь мальчикомъ, на 8-мъ году, въ качествѣ аманата, и помѣщенъ въ сераль, гдѣ и пробылъ годъ съ нѣсколькими мѣсяцами. Причиной отправки его въ Россію послужило повелѣніе, данное Петромъ I

русскому посланнику въ Константинополь, достать и прислать ему нѣсколькихъ способныхъ мальчиковъ-араповъ. Посланникъ въ точности послѣдовалъ приказу; онъ познакомился съ смотрителемъ сераля, гдѣ воспитывались султанскіе мальчики изъ благородныхъ фамилій, наѣтилъ тамъ нѣсколькихъ наиболѣе пригодныхъ для его цѣли и, наконецъ, добылъ „тайнымъ и довольно опаснымъ образомъ при посредствѣ тогдашняго великаго визиря“ трехъ изъ нихъ, которыхъ и отправилъ въ Россію, именно Ибрагима (Ганнибала), еще одного арапченка знатнаго происхожденія (который умеръ въ пути отъ оспы) и, наконецъ, одного рагузинца, всѣхъ почти одинаковаго возраста, моложе 10-ти лѣтъ²⁾.

Обычай пользоваться „арапами“ и неграми, въ качествѣ рабовъ и слугъ, ведетъ свое происхожденіе, какъ извѣстно, съ глубокой древности, со временъ египтянъ. Позже негры-рабы и рабыни были въ большой модѣ у римлянъ во времена имперіи. Мода эта возобновилась снова, въ Италіи и Испаніи, въ эпоху Возрожденія, откуда она перешла и сѣвернѣе, во Францію, Англію, Голландію, Германію. Въ XVIII вѣкѣ въ Германіи не было почти ни одного владѣтельнаго короля или герцога, который бы не имѣлъ въ своемъ штатѣ одного или нѣсколькихъ „араповъ“. Въ Россію мода эта стала проникать еще въ концѣ XVII вѣка; есть извѣстіе, что одинъ арапъ былъ уже у боярина А. С. Матвѣева. Петръ, подражая иностраннымъ владѣтелямъ, неоднократно выписывалъ къ себѣ араповъ. Въ первое его путешествіе по Европѣ, въ 1698 г., когда онъ былъ въ Лондонѣ, любимецъ его Лефортъ напоминалъ ему, между прочимъ, въ письмѣ (ломанымъ русскимъ языкомъ и латинскими буквами): „Poujalest nie zabouvat soupit arabi“, что повторилъ и мѣсяцъ спустя: „Scholo biou (т. е. челомъ бую) milos twoia, schto ti iswolis arapof dosetats“. Можетъ-быть, въ связи съ этими письмами находится и донесеніе Петра Апраксина, отъ 1699 г., съ увѣдомленіемъ о посылкѣ „арапчика Каптинеръ изъ англійской земли“. Отъ 1704 г. сохранилось извѣстіе о высылкѣ трехъ арапчиковъ изъ Константинополя русскимъ тайнымъ агентомъ Саввой Рагузинскимъ въ подарокъ вице-канцлеру гр. Головкину и П. А. Толстому; одинъ изъ этихъ арапчи-

²⁾ А. С. Пушкинъ въ своемъ вольномъ переводѣ нѣмецкой біографіи Абр. Пет. Ганнибала отмѣтилъ на полѣ противъ словъ „русскому посланнику“ — фамилію „Шенелеву“. Хмыровъ говоритъ, что русскимъ посланникомъ въ Турціи былъ тогда думный дякъ Ем. И. Украинцевъ. Однако, сколько извѣстно, около 1704—1706 и до 1713 г. русскимъ посломъ въ Константинополь былъ П. А. Толстой, при которомъ состоялъ въ качествѣ тайнаго русскаго агента купецъ, впоследствии и историческій графъ, Савва (Лукичъ) Владиславичъ (Рагузинскій), славянинъ изъ Босніи, хорошо, повидимому, знакомый съ турецкимъ языкомъ и порядками.

ковъ также назывался Абрамомъ. Наконецъ, акад. Пекарскій нашелъ въ именихъ спискахъ школы при Александро-Невскомъ монастырѣ свѣдѣніе еще объ одномъ „дому императорскаго величества служителѣ, арапѣ Авраамѣ“, который поступилъ въ школу 14-го марта 1723 г., а взятъ обратно 27-го ноября 1724 г., и относительно котораго имѣется отмѣтка, что „изучилъ букваря до 5-й заповѣди“. Очевидно, тогда былъ обычай давать привозимымъ арапамъ по преимуществу имя Авраамъ или Абрамъ.

Но въ то время, какъ остальные, жившіе и умершіе въ Россіи „арапы“ — Абрамы ничѣмъ себя не ознаменовали и сгинули въ неизвѣстности, „арапъ“, получившій фамилію Ганнибалъ, выдвинулся значительно надъ общимъ уровнемъ, дослужился до высокихъ чиновъ, сталъ историческою личностью³⁾. Онъ, повидимому, сразу, по прибытіи въ Россію, произвелъ благоприятное впечатлѣніе на царя своею вышнностью и способностями, и Петръ приблизилъ его къ себѣ, сдѣлавъ его однимъ изъ своихъ денщиковъ. Абрамъ спалъ рядомъ съ комнатою государя, въ токарнѣ, и сопровождалъ царя во всѣхъ его походахъ. Около 1707 г. онъ былъ крещенъ въ Вильнѣ (Петръ Абрамовичъ—

³⁾ Указаніе Абр. П. Ганнибала, что онъ выѣхалъ въ Россію изъ Константинополя въ 1706 г. при Саввѣ Владиславичѣ (Рагузинскомъ), и извѣстіе отъ 1704 г. о доставкѣ въ этомъ году Саввой Владиславичемъ трехъ арапчиковъ, въ томъ числѣ одного Абрама, изъ Константинополя въ Москву, могутъ возбудить предположеніе, не есть ли этотъ Абрамъ именно Абрамъ Ганнибалъ; но такое предположеніе невѣроятно. Во-1-хъ, противъ него говоритъ разниця въ годахъ, 1704 и 1706 г.; во-2-хъ, въ извѣстіи отъ 1704 г., въ письмѣ извѣстнаго переводчика Спафарія изъ Москвы къ вице-канцлеру Головкину говорится о присылкѣ Саввой Владиславичемъ трехъ арапчиковъ, въ томъ числѣ двухъ братьевъ, изъ коихъ меньшей назывался Абрамъ, тогда какъ относительно Ганнибала извѣстно, что брата съ нимъ не было и что другой бывший съ нимъ арапченокъ умеръ въ дорогѣ; въ 3-хъ тѣ три арапченка были присланы въ подарокъ гр. Головкину и Толстому, тогда какъ Абрамъ Ганнибалъ былъ присланъ Петру. Скорѣе вѣроятно, что присылка этихъ арапчиковъ могла дойти до свѣдѣній государя и вызвать въ немъ желаніе получить таковыхъ и для себя, черезъ посредство того же Саввы Рагузинскаго, который, какъ свой человекъ въ Константинополь и тайный агентъ Россіи, скорѣе всѣхъ могъ исполнить подобное порученіе. Что такое порученіе было не изъ легкихъ, явствуетъ изъ письма Спафарія относительно трехъ арапчиковъ, присланныхъ въ 1704 году, которыхъ Савва Рагузинскій „промыслилъ съ великимъ страхомъ и опасеніемъ житія своего отъ турковъ“. Еще труднѣе было, конечно, добыть арапчиковъ изъ султанскаго дворца. Какимъ путемъ былъ доставленъ Абрамъ Ганнибалъ въ Россію, неизвѣстно; три арапченка въ 1704 г. были привезены сухимъ путемъ „черезъ мултянскую и валарскую земли“, но Ганнибала могли везти и моремъ, кругомъ Европы, на что какъ-будто указываетъ извѣстіе у Гельбига, что его привезли изъ Амстердама.